

RU

Российская гиперпоп-музыка как явление постмодерна

Антипова Ю. В.

Аннотация. Цель исследования состоит в выявлении концептуальных оснований одного из актуальных направлений массовой музыки – гиперпоп (hyperpop), активное продвижение которого в России протекало на рубеже 2010-2020-х годов. С позиций обнаружения свойств постмодерна (деконструкция, гиперреальность, фрагментарная идентичность, виртуальная коммуникация) в гиперпопе рассматриваются приемы искажения голоса в сторону роботизированности, кукольности, имитации технических ошибок в цифровом сигнале; выявляется использование предельных громкостных, темповых, регистровых характеристик, комплекс которых приводит к утере вокальной составляющей (инструментализация пения), сюрреалистическому, футуристическому звучанию. Научная новизна исследования состоит в обосновании принадлежности гиперпоп-музыки к эстетике постмодернизма как глобальной парадигме современности и одного из способов переживания и осмысления бытия. В результате исследования установлено, что распространенность гиперпоп-музыки в молодежной среде (поколение зумеров) свидетельствует о провозглашении кибернизации человека, диджитализации всех процессов, усиливающимся давлением внешней среды на субъекта.

EN

Russian hyperpop music as a postmodern phenomenon

Y. V. Antipova

Abstract. The research aims to identify the conceptual foundations of hyperpop, a prominent trend in popular music whose active promotion in Russia occurred at the turn of the 2010s and 2020s. From the perspective of postmodern characteristics – such as deconstruction, hyperreality, fragmented identity, and virtual communication – the study examines techniques of voice distortion favoring robotic and doll-like aesthetics, as well as the imitation of digital signal glitches. The work identifies the use of extreme volume, tempo, and register characteristics, the combination of which leads to the loss of the vocal component (the instrumentalization of singing) and results in a surreal, futuristic sound. The scientific novelty of the research lies in justifying the affiliation of hyperpop music with postmodern aesthetics as a global contemporary paradigm and a means of experiencing and conceptualizing existence. The study concludes that the prevalence of hyperpop among youth (Generation Z) signifies a proclamation of human cybernization, the digitalization of all processes, and the increasing pressure of the external environment on the subject.

Введение

Актуальность исследования связана с пониманием все более возрастающей роли музыки так называемого «третьего пласта» (и поп-музыки как его мейнстрима) в развитии культурных процессов и отражении многих мировоззренческих позиций и духовных поисков современников. Явления поп-музыки наглядно демонстрируют установки фундаментальных парадигм нашей эпохи (постмодерн, метамодерн, археомодерн) и требуют особого – междисциплинарного – инструментария при их изучении.

Теоретической базой исследования послужили работы, в которых представлены культурфилософские, эстетические, художественные принципы постмодерна (Лиотар, 1998; Бодрийяр, 2015; Маньковская, 2000; Липовецкий, 2008; Эпштейн, 2019). Важным источником сведений (при отсутствии специализированных трудов по стилистике гиперпоп-музыки) стали журналистские наблюдения, содержащиеся в ряде материалов СМИ (Алеев, 2021; Бычкова, 2023; Кагалтынов, 2021; Кролевский, 2021; Митюрин, 2021).

Для выявления признаков постмодернистского модуса в стиле гиперпоп возникла необходимость решения следующих задач:

- представить стилевую модель гиперпоп-музыки, выявляя круг тем, образных характеристик и выразительных средств;
- доказать принадлежность стиля к культурной формации постмодерна, позиции которого остаются смыслообразующими для целого ряда явлений современной культуры.

Методологически значимыми стали подходы, принятые в музыкальной герменевтике (толкование музыки в опоре на знание культурно-исторического фона, истории жанра, семантики средств выразительности), социологии музыки (нацеленность на обнаружение связей между общественным и музыкальным развитием) и комплексного анализа музыки.

Материалом исследования послужил обширный пласт репрезентативных композиций в стиле гиперпоп отечественных авторов (в том числе 17 Seventeen, rizza, treepsidе, Midix), имеющих наибольшее число прослушиваний на стриминговых платформах, видеохостингах. Наиболее пристально рассмотрен альбом «Eve» за авторством Sqwore (Даниил Скворцов). Были также привлечены материалы обсуждений (комментарии и отзывы) на платформах Reddit, TikTok, позволяющие наблюдать за слушательской аудиторией.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов в практике преподавания дисциплин, связанных с проблемами массовой музыкальной культуры, современной музыкальной жизни, социокультурных процессов, протекающих в обществе. Представленный в статье опыт интерпретации композиций в стиле гиперпоп позволяет раскрыть новые перспективы изучения музыкального постмодерна.

Обсуждение и результаты

Начиная с 2010-х годов (в России – несколько позже – ближе к 2020-м) в безмерном пространстве молодежной поп-музыки все активнее заявляет о себе новый ее жанр – гиперпоп (в пер. с англ. *hyper* – «преувеличенный»). Он сохранял моторику поп-стилей, однако помимо дансинговой составляющей включал элементы трансовой музыки, испытавшей влияние техно и психоделики; поп-панка, объединившего принципы панка с мелодичностью поп-музыки; инди-рока (альтернативных некоммерческих направлений), трэпа (агрессивного хип-хопа с использованием полностью синтезированной многослойной фактуры), глитчкора (хаотично звучащей электронной музыки, использующей искаженные звуки и сэмплы), бростепа (ответвления дабстепа с деформированными, агрессивными басовыми риффами) (Кагалтынов, 2021). Среди стилиобразующих приемов гиперпоп-музыки следует называть следующие: *автомюн* (Auto-Tune / «эффект Шер» – технологию автоматической коррекции высоты звука, который может давать характерное – роботизированное – искажение тона), *глитч* (акустические эффекты сбоя цифровой записи – щелчки, шумы, т. н. баги – программные ошибки, перемотки), оглушающие *низкочастотные басы* и *запитченная*, смазанная (в результате интенсивного микширования) вокализация/речитация высоким, почти кукольным, «мультикшным» голосом, приближающимся к инструментальному звучанию (Алеев, 2021; Бычкова, 2023).

Все обозначенные приемы вкупе рождают необычное сочетание танцевальности, атмосферы сюрреалистичности, искаженных отголосков компьютерных игр (Minecraft и др.) и олицетворяют тотальную диджитализацию всех сфер жизнедеятельности, кибернизацию человека и выход к новой – над-человеческой/неоэкологической – реальности. «Мне кажется невероятно увлекательным, если музыка может дать те же ощущения, что и трехминутная поездка на американских горках. Тебя переворачивают головой вниз, окунают в воду, светят стробоскопом в лицо, медленно поднимают на вершину, а потом бросают вертикально вниз, резко тормозят, и твои волосы уже растрепаны, кого-то тошнит, другие смеются, а ты потом идешь покупать сувенир. Таким я вижу потенциал музыки», – характеризует стиль один из его законодателей Sophie Xeon (Цит. по: Митюрин, 2021).

Если на Западе гиперпоп с его андрогинным вокалом, «пластиково индустриальным», гиперкинетическим саундом (к определению «гиперкинетическое звучание» прибегает Х. Фарес (Phares, 2016) , удачно отражая характер музыки гиперпопа – гиперактивный и излишне импульсивный) и преодолением барьеров поп-музыки стал одним из выразителей инклюзивной ЛГБТ+-повестки*, то в России этот «нетрадиционный» подтекст оказался значительно менее выраженным. Данное обстоятельство свидетельствовало о существенном переосмыслении стиливого содержания, не простом перенимании модного тренда, но об обнаружении близких российскому менталитету понятий и смыслов. Отечественный сегмент стиля, популярный прежде всего у поколения зумеров и уже альф (сформировавшихся под влиянием быстро меняющейся высокотехнологичной среды, цифрового контента, визуальных форм получения информации (Колчин, 2025)), сохранил и усилил те концептуальные его основы и тематический спектр, что связаны с гиперрефлексией, инфантилизмом, дисфорией, пристрастием к мультикшной эстетике, а также фобиями, приступами депрессии, комплексами. «Как нередко бывает, при адаптации что-то потерялось (ценности, идеология), а что-то добавилось (любовь к аниме и трэпу)» (Бычкова, 2023). Удивительно удачно гиперпоп вписался в настроения, царившие в эпоху локдауна 2020–2021 годов, став отражателем новых ощущений молодых людей, взросление которых происходило у экранов компьютеров и ноутбуков. «Война во Вьетнаме, убийство президента США Джона Ф. Кеннеди, популяризация легких наркотиков и психоделиков, а также рок-н-ролл привели к возникновению во второй половине 1960-х годов движения хиппи и психоделического искусства. Пандемия, паранойя, изоляция и социальные сети вылились в глитчкор и гиперпоп – новую психоделию для цифрового века. Вместо футболок, окрашенных по технологии тай-дай, – неоновые краски и безумные фильтры для съемки видео. Вместо гитарных запиллов – электронный скрежет и грохочущие басы со слащавыми мелодиями. Вместо мира во всем мире – язвительные мемы и метаирония» (Алеев, 2021). Гиперпоп интенсивно развивался (назовем таких российских представителей стиля, как Bew Sylveon, Sqwore, 17 Seventeen, zarya, rizza, Платина, i61, Lovv66, uglystephan, treepsidе, Midix, shadowraze, Wenaro, drowsyy), предлагая разнообразие тем, связанных по большей части с лирическо-психологической сферой, что стало существенно отличать российских авторов от светлого, розового и «латексного» саунда западных гиперпоперов (Бычкова, 2023). Эти настроения требовали усиления громкости, еще более резких темповых смен, искажений звука и «ужесточения» визуальной эстетики.

Основным каналом распространения и популяризации стиля в молодежной среде стал сервис для создания и просмотра коротких видео TikTok, где молниеносно распространялись («вирусилась») аниме с яркой, почти кислотной цветовой гаммой, мерцаниями, вспышками, глитчами, резкими склейками. Ролики с хештегами, содержащими слово #glitch, набирали сотни миллионов просмотров (Алеев, 2021). Отдельные отрезки гиперпоп-композиций, в которых сочетались более тихие, почти игрушечные фрагменты с резко вступающим нойзовым ревом, идеально ложились на двухэлементную структуру интернет-мемов: сетап (введение) требует покоя, следующий за ним панчлайн (финал), выворачивающий смысл сетапа, – дикого и оглушительного. Гиперпоп довел до крайности заимствованный от гранджа резкий динамический перепад куплета и припева и стал полезным для авторов бесчисленных мемов, создание и просмотр которых помогали переживать смену настроений и безумие бездействия пандемийных лет. В той же взрывчато-травматичной стилистике – вне фиксации на одном изображении и интенсивными сменами картинок – мастерились и клипы гиперпоп-музыки. Симптоматична ремарка автора интернет-статьи об этом феномене И. Кролевского (2021): «Предупреждение: в материале присутствуют клипы с мерцающим светом, способные вызвать эпилептические припадки».

Так, в симбиозе с «припадочным» видеоконтентом действовал музыкальный ряд, в котором привычные элементы поп-музыки предельно утрировались и достигали неестественного, порывающего с «человеческим» звучания. Очевидно, однако, что в этом уходе от привычной звуковой эстетики в сторону разрушительного самоисследования следует видеть упадок жизненных сил и желание заявлять о глубоком психологическом кризисе. Согласимся с Э. Кагалтыновым (2021): «Эпоха цифрового безумия, урбанистической депрессии, тотальной доступности информации и отсутствия возможности ее адекватно воспринять взрастили в человеке ироничный цинизм и хрупкую ранимость. Гиперпоп прекрасно отражает эту двойственность – за кислотными, яркими вставками в клипах, за гипертрофированно-жизнерадостными и перенасыщенными деталями музыкальными решениями чаще всего скрывается экзистенциальный крик о помощи человека, оставшегося наедине с самим собой».

В качестве примера указанной двойственности приведем альбом «Eve» (2021) музыканта Sqwoe (Даниил Скворцов), в композициях которого последовательно раскрывается тема взросления, становления личности лирического героя, в которой все более нарастает просветленная и вместе с тем пугающая отреченность. Мир героя здесь – выдуманный и оторванный от реальности – свернут до фантазийных отношений с девочкой по имени Эвелина (Eve), с которой они проходят путь от колыбельной, убаюкивающей от темноты и монстров («Сладких снов»), до расставания и связанным с ним разочарованием («Звезда упала»), побега из мира людей («Давай сбегим»), нигилистического презрения («Ненавижу порядок») и уже пребывания в новом измерении («Навечно», «Пластиковые воспоминания», «Аквариум»). Мотивы сна и галлюцинаций, бессмысленного скитания по улицам разрабатываются в связи с травматичными воспоминаниями, переживанием кризиса идентичности и отчаянием. Игрушки и другие атрибуты детства соседствуют с запрещенными веществами, буквально космическая свобода – с пребыванием в зловещем замкнутом пространстве; нервные взывания вскоре отменяются, мысли путаются, описываемые действия имеют дискретный характер:

*Прошу, выкини меня в открытый космос,
Хочу хоть немного быть поближе к звёздам,
Хотя не, в ***, я не хочу замёрзнуть
(«Тут кто-нибудь есть?»).*

*Чувствовать себя брошенным
Нравится мне.
Кажется всё дотошными,
Что у них на уме?
Смешаем колу с мороженым,
Стрельни сигу у прохожего,
Давай у следующего, у этого злая рожка
(«Пластиковые воспоминания»).*

Организация текста отвечает за создание ощущения характерного потока сознания: метрика стиха нерегулярна, длины строк сильно разнятся, рифмы не выражены четко, а традиционные схемы заменены ассонансами, близкими созвучиями, словами со сходными количествами слогов. Вокабуляр примитивен, хотя и предлагает ряд аллюзий и непрямых намеков («Теперь разбит, будто Икарус»); содержит множественные повторы («Я больше никогда не скажу тебе, что я загадал (А-а-а) / Что я загадал, что я загадал / Что я, что я, что я, что я»), включает обсценную лексику и молодежный сленг. Впрочем, ввиду стилистических особенностей (в том числе всевозможных наслоений и очевидного дисбаланса вокального и инструментального пластов) текст неразборчив, многие фразы слабо прослушиваются, что включает гиперпоп в число направлений, исполнительские манеры которых отражают процессы девальвации смысла.

Колыбельная истерична (запитченный «голос» меняет тесситуру в каждой фразе, близость расположения которых образует накладки, обостренные чрезмерно быстрым темпом), боль утраты испытывается с большой долей агрессии (краткое вступление в композиции «Звезда упала», трогательно сыгранное на фортепиано, сменяется сбивчивыми репликами, каждая из которых звучит то на нервно-стучащем фоне, то в пустоте, а каждое слово рассыпается во множестве глитчей, трелей, ревербераций). В отдельных композициях, словно озвучивая текст о падении, голос тонет в более мягком инструментальном фоне (эффект подводного звучания

в «Навечно»), в других «вокал» декларативно прорывается на фоне почти рокового глитч-корового бита. Пение во всех случаях обладает андрогинным свойством, специфично интенсивными динамическими и тесситурными перепадами, расщепляя «мелодическую линию» на множественные фрагменты, выполненные с применением различных эффектов. Ее синтетический характер поддерживается постоянными наложениями (каждая новая фраза начинается, не дав отзвучать предыдущей) и чрезмерно громкой инструментальной фактурой, намеренно перекрывающей «вокал».

Как можно убедиться, гиперпоп предстает как стиль, отражающий многие существенные признаки постмодернистского искусства и модуса переживания:

- западный образец стиля оказывается импортированным на российскую почву (Маньковская, 2000), обретая при этом новые параметры, существенно меняющие его содержательные характеристики;
- гиперпоп демонстрирует такие параметры постмодернизма, как хаотизирование внешнего и обесмысливание внутреннего мира человека, антигуманность, отказ от категории идеала (Липовецкий, 2008);
- как многие постмодернистские продукты, гиперпоп обязан своим возникновением развитию новейших технических средств (специализированных программ для создания музыки с синтезированием звука и сложными звуковыми эффектами);
- эстетика стиля характеризуется сосредоточением не на отражении, но на моделировании и экспериментировании с искусственной (виртуальной) реальностью, заменой живого человека симулякром (Бодрийяр, 2015), существом с чертами киборга;
- всепоглощающий характер обретают невротические проявления, интенсивность и множественность травматического опыта, вызванного информационной перегрузкой человека, потерей смысла и ценностных ориентиров (Лиотар, 1998);
- пропагандируется мировосприятие, в котором отношения с действительностью строятся «субъектом отращения» (Kristeva, 1980) с позиции иронии, пессимизма, агрессивной апатии, уничтожения партнера;
- специфичны притупленная чувствительность, недостаточность обычных раздражителей, поиск новых, уводящих от реальных человекосоизмеримых (гипер, сверх) средств; шире – чрезмерность многих сторон действительности, доведенных до предельной степени развития и уже стадии разрушения (Эпштейн, 2019);
- на вербальном и музыкальном уровнях в гиперпоп-музыке проявляют себя признаки деконструкции, расслоения целого, разложения содержательных, лексических, фонетических структур (Деррида, 2000);
- эклектичный стиль, смиксованный из, казалось бы, несовместимых элементов, предстает как вычурная пародия и деконструкция различных стилей поп-музыки.

Заключение

Представление стилевой модели российской гиперпоп-музыки указывает на наличие устойчивых средств выразительности, образных характеристик и тематического спектра. Репрезентативность звукового решения связана с провозглашением новой модели человека с его преувеличенными (гипер) характеристиками, которые воплощаются теперь через синтез техно- и психоделийной семантики, агрессивного хип-хопа, но главное – глитчкора, в котором звучание электроники сопровождается всевозможными искажениями звука. Все приемы преобразования вокала (автоматическая коррекция звуковысотности в сторону повышения или резких смен регистров), эффекты сбоя цифровой записи, болезненные низкочастотные басы и динамические перепады и вспышки олицетворяют новое бытие человека в неестественной (цифровой, виртуальной, «неоновой») среде. Отторжение реальности, бегство от действительности в сферу компьютерных игр, социальных сетей, пространство (суб)культуры мемов и диджитал-анимации – эти мотивы гиперпоп-музыки позволяют говорить об очередном витке романтического мировидения (своего рода кибер-романтизме), в котором сохраняются константные свойства течения – рефлексийность, акцент на переживании чувства одиночества, «ностальгия по будущему», тоски по миру, который еще не наступил, поиск неординарных средств выразительности, уводящих от нейтральности эмоций. Примечательно усиление трагически-депрессивного модуса переживания в российском варианте гиперпопа по сравнению с западным, ужесточение взрывчато-травматичной стилистики визуального оформления клипов.

Проведенное исследование гиперпоп-музыки продемонстрировало, что постмодернистское мироощущение в комплексе образно-содержательных и стилистических решений остается одним из фундаментальных в современной культуре. Вместе с тем очевидно, что в поисках целостной художественной реальности, которая создается в альбомах концептуального толка (как, например, в «Eve» Sqwore, композиции которого образуют единое смысловое пространство и объединены, условно, единым сюжетом), гиперпоп одновременно способен предлагать иной, преодолевающий деструктивность и китч, взгляд на человека, выстраивающего новые связи с окружающей действительностью. Подобные устремления к созданию параллельной реальности, последовательному представлению «лирического героя», живущего по собственному, независимому от социума сценарию, позволяют усматривать модус *метамодерна* и в перспективе расширить исследовательское поле этого неординарного направления поп-мейнстрима.

Примечание: * – движение запрещено в РФ и признано экстремистским.

Материалы исследования | Research materials

1. Алеев А. Гиперпоп: шум и ярость // Blueprint. 30.08.2021. <https://theblueprint.ru/culture/music/giperpop>
2. Бычкова К. «Денег не имел и выбрал второй путь». Гиперпоп в России: два года после хайпа // The-Flow.ru. 13.09.2023. <https://the-flow.ru/features/hyperpop-v-rossii>
3. Кагалтынов Э. Что такое гиперпоп, и как он попал в биты рэперов // The-Flow.ru. 03.12.2021. <https://the-flow.ru/features/chto-takoe-giperpop>
4. Кролевский И. На максималках. Откровенные клипы, вопли и оглушающие басы: как звучит гиперпоп и почему это «музыка будущего» // Lenta.ru. 10.03.2021. <https://lenta.ru/articles/2021/03/10/hyperpop/>
5. Митюрин А. От попа до гиперпопа // Секретные материалы 20 века. 04.08.2021. https://xfile.ru/x-files/bright_world/ot_popa_do_giperpopa/
6. Phares H. SOPHIE – Biography // AllMusic. 2016. <https://www.allmusic.com/artist/sophie-mn0003301582#biography>

Источники | References

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М.: ПОСТУМ, 2015.
2. Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. и вст. ст. Н. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000.
3. Колчин Д. Ю. Жизненная философия поколения Z // Манускрипт. 2025. Т. 18. Вып. 1. <https://doi.org/10.30853/mns20250020>
4. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н.А. Шматко. М. – СПб.: Институт экспериментальной социологии; Алетейя, 1998.
5. Липовецкий М. Паралогии. Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920-2000-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
6. Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма. СПб.: Алетейя, 2000.
7. Эпштейн М. Н. Постмодернизм в России. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2019.
8. Kristeva J. Postmodernism? // Bucknell Review. 1980. Vol. 25. № 2.

Информация об авторах | Author information

RU**Антипова Юлия Владимировна¹**, к. иск., доц.¹ Новосибирская государственная консерватория имени М. И. Глинки**EN****Yuliya Vladimirovna Antipova¹**, PhD¹ M. I. Glinka Novosibirsk State Conservatoire¹ antikostin@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 13.01.2026; опубликовано online (published online): 19.02.2026.

Ключевые слова (keywords): массовая музыка; эстетика постмодернизма; российская поп-музыка; российский гиперпоп; popular music; postmodern aesthetics; Russian pop music; Russian hyperpop.